Рене Генон

Святой Бернард

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Saint Bernard (год издания: 1926).

Редакция перевода от 05.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1926_SBE.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Святой Бернард 5

Святой Бернард[A]

Среди выдающихся фигур средневековья мало найдется таких, чьё жизнеописание будет более подходящим, чем жизнеописание Святого Бернарда, для развенчания определённых предрассудков, столь милых современному сознанию. Действительно, что может быть более озадачивающим для этого сознания, чем видеть безупречного монаха-созерцателя, всегда желавшего оставаться таковым, но призванного играть решающую роль в руководстве делами Церкви и Государства, и часто преуспевавшего там, где терпели неудачу благоразумные политики и профессиональные дипломаты? Если следовать обычному способу суждения о вещах, то что может быть более поразительным и даже более парадоксальным, чем мистик, который не испытывает ничего кроме презрения к тому, что он называет «уловки Платона и ухищрения Аристотеля», и который, тем не менее, без труда одерживает верх над наиболее изощренными диалектиками своего времени? Казалось, своим ярким примером вся жизнь святого Бернарда была предназначена свидетельствовать, что для решения проблем интеллектуального и даже практического порядка существуют совершенно иные средства, чем те, что издавна принято рассматривать как единственно действенные в силу того, несомненно, что они одни доступны пониманию сугубо человеческой мудрости, которая не является даже тенью мудрости истинной. В некотором роде, эта жизнь являлась предварительным опровержением таких на первый взгляд противоположных, но на самом деле взаимосвязанных заблуждений, каковыми являют-

[A] Опубликовано в «Жизнь и деяния великих святых», Библиотека Франции — прим. пер.

ся рационализм и прагматизм; и в то же время, она переворачивает и ниспровергает, для беспристрастного исследователя, все предвзятые идеи историков «сциентистов», которые вместе с Ренаном высоко ценят «отрицание сверхъестественного составляет саму сущности критики», что, впрочем, мы вполне охотно допускаем, но потому, что видим в этом несоответствии прямо противоположное тому, что видят они, а именно: осуждение «критики», а вовсе не сверхъестественного. В самом деле, какие уроки могли бы быть в нашу эпоху более полезны?

⁂

Бернард родился в 1090 г. в Фонтен-ле-Дижон; его родители принадлежали к высшей знати Бургундии, и, если мы отмечаем этот факт, то только потому, что некоторые черты его жизненного пути и учения, о которых мы будем говорить в дальнейшем, кажутся нам в определённой степени связанными с этим происхождением. Однако мы не хотим сказать, что этим возможно объяснить его рвение, его подчас воинственный пыл или неистовость, которые он, будучи вовлечен в полемику, привносил в свои высказывания, и которые были, впрочем, вполне внешними, так как основу его характера составляли, несомненно, доброта и мягкость. На что мы особенно намереваемся указать, так это на его отношение к институтам и идеалу рыцарства, которому в дальнейшем всегда следует придавать огромную важность, если мы желаем понять события и сам дух средневековья.

К двадцати годам Бернард вознамерился удалиться от мира; и в краткий срок он сумел увлечь за собой всех своих братьев, некоторых близких и значительное число своих друзей. В этой первой апостольской миссии он, несмотря на свою молодость, проявил такую силу убеждения, что вскоре стал, как говорит его биограф «наводить ужас на матерей и жен; люди страшились, когда он заговаривал с их друзьями». Уже в этом видна некоторая экстраординарность, и, чтобы объяснить подобное влияние, будет, конечно же, недостаточно сослаться на мощь «гения» в профанном смысле

этого слова. Не лучше ли признать здесь воздействие божественной благодати, которая, следуя сравнению, использованному им позднее применительно к Пресвятой Деве, и которое мы так же можем, более или менее сокращая, применить ко всем святым, передавалась через него, как по каналу, пронизывая неким образом всю личность проповедника и излучалась вовне?

Итак, в 1112 г., в сопровождении тридцати молодых людей Бернард вступил в монастырь Сито, который он выбрал за строгость соблюдения устава, которая контрастировала с послаблениями, введенными во все иные ответвления Ордена бенедиктинцев. Спустя три года, несмотря на его неопытность и шаткое здоровье, его наставники, не колеблясь, доверили ему управление дюжиной монахов, которые намеревались основать новое аббатство Клерво, которым он управлял до самой смерти, постоянно отклоняя почести и звания, так часто предлагавшиеся ему на протяжении его карьеры. Слава аббатства Клерво не замедлила широко распространиться, и вскоре рост его стал поистине изумительным: говорят, когда умер его основатель, оно давало приют приблизительно семистам монахам, дав рождение более чем шестидесяти новым монастырям.

***

Забота, с которой Бернард управлял Клерво, лично регламентируя мельчайшие детали текущей жизни, участие, которое он принимал в руководстве Орденом цистерцианцев, в качестве главы одного из первых его аббатств, искусность и успешность его вмешательств по нормализации общения соперничающих Орденов, всего этого уже достаточно для доказательства того, как отлично иногда могут сочетаться высочайшая духовность и то, что мы зовем практичностью. Этого было более чем достаточно для полного поглощения активности обычного человека; и, тем не менее, вскоре перед Бернардом откроется совершенно иное поле деятельности, впрочем, случится это вопреки его воле, так как никогда он не страшился ничего более, нежели необходимости поки-

нуть свою обитель и включиться в дела внешнего мира, от которого он мнил возможным навсегда отстраниться и всецело посвятить себя аскезе и созерцанию, дабы ничто не могло отвлечь его от того, что, следуя евангельскому изречению, было в его глазах «единственно необходимым». В этом Бернард очень сильно обманулся; но все «отвлечения» [*distractions*], в этимологическом смысле, которых ему не удалось избежать, и о которых он сетовал с некоторой горечью, ничуть не помешают ему достичь вершин мистической жизни. Это очень примечательно; не менее примечателен и тот факт, что, несмотря на всё его смирение и все усилия, приложенные к тому, чтобы оставаться в тени, к его помощи взывали во всех важных делах, и хотя, с мирской точки зрения, вес его был мал, все, включая высочайших гражданских и церковных сановников, всегда непроизвольно склонялись перед его духовным авторитетом; и мы не знаем, служит ли это в большей мере к похвале святого или же эпохи, в которой он жил. Какой контраст между нашим временем и тем, в котором простой монах единственно сиянием своих выдающихся добродетелей мог стать, в некотором роде, центром Европы и Христианского мира, неоспоримым арбитром во всех конфликтах политического и религиозного характера, где речь шла об общественном благе, судьей наиболее прославленных мэтров философии и теологии, реставратором единства Церкви, посредником между Папством и империей, и мог увидеть, наконец, сотни тысяч вооруженных людей подымающихся по его призыву!

⁂

Бернард рано начал изобличать роскошь, в которой жила большая часть белого духовенства и даже монахов в некоторых аббатствах; его упреки спровоцировали громкие обращения, среди которых и обращение Сюжера, знаменитого аббата Сент-Дени, который не ещё носил титула премьер-министра при короле Франции, но уже выполнял его функции. Именно это обращение сделало известным при дворе имя аббата Клерво, к которому питали там, по всей видимо-

сти, смесь уважения и страха, поскольку видели в нём непримиримого противника всех злоупотреблений и несправедливостей; и действительно, вскоре мы видим его вмешивающимся в конфликты, разразившиеся между Людовиком Толстым и некоторыми епископами, и открыто протестующим против присвоения светской властью прав Церкви. По сути, здесь он занимался ещё делами сугубо локального масштаба, интересуясь исключительно тем монастырем или той епархией; но в 1130 г. разразились события особой важности, которые поставили под угрозу всю Церковь, ввергнутую в раскол антипапой Анаклетом II, и в связи с этим Бернард стал известен всему христианскому миру.

Мы не планируем излагать здесь во всех деталях историю схизмы: кардиналы, разделенные на две соперничающие фракции, последовательно избрали Иннокентия II и Анаклета II; первый, вынужденный бежать из Рима, не отчаялся и воззвал к вселенской Церкви для восстановления своих прав. Первой из откликнувшихся была Франция; среди епископов и вельмож на церковном соборе, созванном королем в Этампе, Бернард появился, по словам его биографа «как истинный посланник Господа» среди собравшихся епископов и лордов; все разделили его мнение в рассматриваемом вопросе и признали законность избрания Иннокентия II. Иннокентий II пребывал на французской земле в аббатстве Клюни, где и выслушал Сюжера, прибывшего объявить ему решение собора; он объехал главные епархии, и был повсюду принят с воодушевлением; эта поездка предвещала воссоединение почти всего христианского мира. Аббат Клерво объявился перед королем Англии и быстро развеял его сомнения; возможно, он также принял участие, по крайней мере, косвенное, в признании Иннокентия II королем Лотарем и германским духовенством. Затем он отправился в Аквитанию, чтобы противодействовать влиянию епископа Жерара Ангулемского, приверженца Анаклета II; но лишь в 1135 г. во время второго путешествия в эту область ему удалось уничтожить здесь схизму посредством обращения

графа Пуатье. В промежутке между этими поездками, Бернард появился в Италии, куда его вызвал Иннокентий II, вернувшийся в страну с помощью Лотаря, но остановленный непредвиденными трудностями, вызванными враждебностью Пизы и Генуи; следовало найти компромиссное решение для двух враждующих городов и заставить их принять его; именно Бернарду была поручена эта трудная миссия, и он выполнил её наилучшим образом. Иннокентий смог, наконец, вернуться в Рим, но Анаклет укрепился в соборе Святого Петра, сделав его неприступным; Лотарь, вскоре после коронования императором в соборе св. Иоанна Латранского, удалился со своей армией; после его ухода, антипапа вновь предпринял наступление, и законный понтифик снова был вынужден бежать и укрыться в Пизе. Аббат Клерво, уже вернувшийся в свою обитель, с огорчением узнал эти новости; немного спустя его слуха достигла молва о деятельности, развёрнутой Рожером, королем Сицилии, по завоеванию Италии во имя Анаклета, но в то же время для утверждения там собственного главенства. Бернард тут же написал жителям Пизы и Генуи, чтобы воодушевить их на сохранение верности Иннокентию; но их верность была слабой опорой, и можно было надеяться лишь на действенную помощь из Германии, чтобы отвоевать Рим. К несчастью, империя была жертвой постоянных раздоров, и Лотарь, прежде чем вернуться в Италию, должен был водворить мир в собственной стране. Бернард отправился в Германию и занимался там примирением Гогенштауфенов с императором; и снова его усилия увенчались успехом; он закрепил счастливый исход на сейме в Бамберге, который вскоре покинул, чтобы принять участие в соборе, созванном Иннокентием II в Пизе. В этой связи, он адресовал упреки Людовику Толстому, который противодействовал поездке епископов королевства на собор; запрет был снят, и главные лица французского духовенства смогли откликнуться на призыв главы Церкви. Бернард был душой собора: историк того времени рассказывает, что в перерывах между заседаниями,

его дверь осаждали просители со сложными делами, как будто этот скромный монах мог по своей воле разрешить все церковные вопросы. Прибыв в Милан с поручением привести этот город под власть Иннокентия II и Лотаря, он встретил такой бурный прием со стороны клира и своих сторонников, что только с величайшими усилиями смог уклониться от предложения стать местным архиепископом, которое было ему сделано в спонтанном проявлении восторга. Он не желал иного, кроме как вернуться в свой монастырь; и действительно туда вернулся, но ненадолго.

С началом 1136 года Бернард ещё раз вынужден был выйти из своего уединения, чтобы, согласно желанию папы, отправиться в Италию и присоединиться к германской армии, под командованием зятя императора, герцога Генриха Баварского. Взаимонепонимание встало стеной между герцогом и Иннокентием II; Генрих, мало заботясь о правах Церкви, во всех обстоятельствах предпочитал заниматься исключительно интересами государства. Так и действовал аббат Клерво для восстановления согласия между двумя силами, пытаясь примирить их противоположные притязания, особенно в некоторых вопросах инвеституры, в которых он, казалось, постоянно играл роль примирителя. Между тем, Лотарь принял на себя командование армией и покорил всю южную Италию, но совершил ошибку, отклонив мирные предложения короля Сицилии, который не замедлил взять реванш, предавая всё огню и мечу. Без малейшего колебания Бернард явился тогда в лагерь Рожера, но король Сицилии не внял его словам о мире, и Бернард предрек ему поражение, которое и случилось в действительности; затем, неотступно следуя за ним до Салерно, он приложил все усилия, дабы отвратить Рожера от схизмы, в которую того увлекло честолюбие. Рожер согласился провести совместные слушания сторонников Иннокентия и Анаклета, но делая вид, что ведёт опрос с беспристрастностью, желал лишь выиграть время и отказался принимать решение; по крайней мере, положительным результатом этих дебатов стало обращение

одного из главных инициаторов раскола, кардинала Пьера Пизанского, которого Бернард и привел с собой к Иннокентию II. Это обращение явилось страшным ударом для антипапы; Бернард сумел воспользоваться этим и в самом Риме: своими пылкими убедительными речами он в несколько дней добился отпадения от партии Анаклета большей части сторонников. Это произошло в 1137 г., в период рождественских праздников, а месяцем позже Анаклет скоропостижно умер. Некоторые из наиболее вовлеченных в раскол кардиналов избрали под именем Виктора IV нового антипапу; но их сопротивление не могло длиться долго, и на восьмой день Троицы они изъявили свою покорность; на следующей неделе аббат Клерво пустился в обратный путь в свой монастырь.

Этого краткого и очень беглого обзора достаточно, чтобы дать представление о том, что можно назвать политической деятельностью святого Бернарда, которая на этом, впрочем, не остановилась: с 1140 по 1144 год он протестовал против неправомерного вмешательства в выборы епископов короля Людовика Молодого, затем вмешался в тяжелый конфликт между этим королем и графом Тибо Шампанским; но будет скучно перечислять эти многочисленные события. В итоге, можно сказать, что поведение Бернарда всегда определялось одинаковыми намерениями: защищать право, сражаться с несправедливостью и, возможно, самым главным — сохранить единство христианского мира. Эта постоянная забота об единстве воодушевляла его в борьбе против схизмы; она же заставила его предпринять в 1145 г. путешествие в Лангедок, чтобы вернуть в лоно Церкви еретиков неоманихейцев, учение которых начало распространяться в этой области. Похоже, что в мыслях у него постоянно присутствовали слова из Евангелия: «Да будут едины, как едины Отец Мой и Я.»

⁂

Однако, аббат Клерво, сражался не только в политической, но и в интеллектуальной области, где его победы были

не менее блистательными, а наиболее яркими явились осуждения двух выдающихся противников: Абеляра и Жильбера Порретанского. Своими произведениями и преподаванием первый из них снискал репутацию искуснейшего диалектика; он даже злоупотреблял диалектикой, так как вместо того, чтобы видеть в ней то, чем она является на самом деле, — простое средство к постижению истины, — он рассматривал её почти как самоцель, что, неизбежно, привело его к пустословию. Похоже, что в его методе или в самой основе его идей присутствовало стремление к оригинальности, что немного сближает его с современными философами; в эпоху же, когда индивидуализм был идеей практически неизвестной, этот недостаток вряд ли мог сойти за достоинство, как это происходит в наши дни. Таким образом, вскоре многие обеспокоились этими новшествами, которые вели к настоящему смешению между сферами разума и веры; собственно говоря, Абеляр не был рационалистом, как иногда заявляли, ведь, на самом деле, ибо до Декарта рационалистов не было; но он не умел проводить различий между тем, что относится к разуму и тем, что его превышает, между профанной философией и священной мудростью, между знанием чисто человеческим и знанием трансцендентным, и в этом корень всех его заблуждений. Не доходил ли он до утверждения, будто философы и диалектики часто испытывают вдохновение, сопоставимое со сверхъестественным вдохновением пророков? Легко понять, с какой силой и даже горячностью ополчился святой Бернард на эти теории, как только они привлекли его внимание, и с какой горечью он упрекал их автора в преподавании того, что религия — есть лишь простое мнение. Начавшись в частных беседах, борьба мнений этих двух столь различных людей вскоре получила огромный отклик в школах и монастырях; Абеляр, уверенный в своём умении вести нить рассуждений, потребовал от архиепископа Санского созвать собор, перед которым надеялся добиться публичного оправдания, ибо собирался повести дискуссию таким образом, чтобы она с лег-

костью привела к замешательству его противника. Однако события развернулись совсем иначе: аббат Клерво рассматривал собор как трибунал, перед которым подозреваемый богослов предстаёт для обвинения; на предварительном заседании он представил труды Абеляра, извлек из них наиболее дерзкие суждения и с их помощью доказал его гетеродоксию; на следующий день он потребовал от автора отречься от этих суждений или доказать их правомерность. Предчувствуя неминуемость обвинения, Абеляр не стал дожидаться решения собора и объявил тут же, что обратится к суду в Риме; но это не помешало процессу идти своим чередом, и как только обвинение было вынесено, Бернард написал Иннокентию II и кардиналам такие настойчивые и красноречивые письма, что уже через шесть недель приговор был утвержден в Риме. Абеляру оставалось только подчиниться; он укрылся в Клюни, у Пьера Достопочтенного, который устроил ему свидание с аббатом Клерво и преуспел в деле их примирения.

Собор в Сансе происходил в 1140 году; в 1147 году на соборе в Реймсе Бернард добился обвинения епископа Пуатье Жильбера Порренского в заблуждениях относительно тайны Троицы; эти заблуждения проистекали из того, что их автор прикладывал к Богу реальное различие сущности и существования [*essence* и *existence*], которое применимо лишь к тварным существам. Впрочем, Жильбер без труда отрекся от своих заблуждений; таким образом, было просто запрещено читать или переписывать его труд, прежде чем он будет исправлен; авторитет его, за исключением обсуждавшихся моментов не пострадал, и его учение пользовалось большим доверием в школах на протяжении всего средневековья.

⁂

За два года до этого события, аббат Клерво испытал радость, видя восхождение на папский престол одного из своих прежних монахов, Бернарда Пизанского, взявшего имя Евгения III, который постоянно поддерживал с ним самые

сердечные отношения; именно этот новый папа почти с самого начала правления поручил ему проповедь второго крестового похода. До этого времени Святая Земля занимала незначительное место в интересах святого Бернарда, по крайней мере, внешне; будет, однако, ошибочным полагать его всецело безучастным к происходившим там событиям, и свидетельством этому служит свершение, которому, обычно, не уделяют должного внимания, и реальное значение которого гораздо важнее, чем, кажется, могут подозревать наши современники. Мы хотим поговорить об участии, которое он принял в основании Ордена Храма, первого по времени возникновения и по значению из военных Орденов, который послужил образцом для всех прочих. На соборе в Труа, в 1128 г., спустя примерно десять лет со дня своего основания, Орден, наконец, получил свой устав, и именно Бернард был тем, кому в качестве секретаря собора было поручено его разработать или, по крайней мере, определить его основные положения, ведь вскоре его призвали для завершения устава, окончательную редакцию которого он и составил в 1131 году. После, он комментировал этот устав в сочинении «О похвале новому воинству» (*De laude novæ militiæ*), где он с великолепным красноречием изобразил миссию и идеал христианского рыцарства, величаемого им «воинством Божиим». Рассматриваемые современными историками как весьма второстепенный эпизод его жизни, эти связи аббата Клерво с орденом, безусловно, имели в глазах человека средних веков совершенно иную значимость; и мы имели случай показать в другом месте, что именно они послужили Данте основанием для выбора святого Бернарда в качестве гида по последним кругам Рая.

***

В 1145 г. Людовик VII задумал отправиться на помощь латинским княжествам Востока, которым угрожал эмир Алеппо; но оппозиционные советники вынуждали его переносить срок реализации плана, и принятие окончательного решения по нему было отложено до пленарной ассамблеи, ко-

торая должна была состояться на следующий год в Везле во время праздника Пасхи. Евгений III, удерживаемый в Италии переворотом, осуществленным в Риме Арнольдом Брешианским, поручил аббату Клерво представлять его на этой ассамблее; после прочтения буллы, которая призывала Францию к крестовому походу, Бернард произнес речь, которая, судя по вызванному эффекту, должна была быть величайшим ораторским свершением в его жизни; все присутствовавшие хлынули к нему, чтобы получить крест из его рук. Воодушевленный этим успехом, Бернард объехал города и провинции, повсюду с неустанным рвением призывая к крестовому походу; туда, где он не мог объявиться лично, он посылал не менее красноречивые чем его речи письма. Затем он отправился в Германию, где его проповедь имела те же результаты, что и во Франции; император Конрад, после непродолжительного сопротивления вынужден был уступить его влиянию и примкнуть к крестовому походу. В середине 1147 года французская и германская армии двинулись в этот великий поход, который, вопреки их устрашающей силе, обернулся поражением. Среди многочисленных причин этого провала основными, похоже, были предательство греков и недостаток взаимопонимания между некоторыми руководителями похода; но некоторые, что весьма несправедливо, стремятся возложить ответственность за него на аббата Клерво. Бернард вынужден был написать настоящую апологию своего поведения, которая в то же время была оправданием действия Провидения, указывая, что случившиеся несчастья объяснялись исключительно проступками христиан, так «обеты Бога остаются нерушимыми, ибо они не теряют силу, когда Он творит правосудие»; эта апология содержится в книге «Об рассуждении» (*De Considerazione*), адресованной Евгению III, книге-завещании святого Бернарда, которая также содержит его взгляды на обязанности папства. Впрочем, провал никого не обескуражил, и вскоре Сюжер замыслил новый крестовый поход, возглавить который должен был сам аббат Клерво; но смерть

великого министра Людовика VII остановила воплощение проекта. Вскоре, в 1153 г. умер и святой Бернард, последние письма которого свидетельствуют, что до последнего вздоха он заботился об освобождении Святой Земли.

Если непосредственная цель крестового похода и не была достигнута, то должны ли мы из-за этого говорить о полной его бесполезности и считать усилия святого Бернарда напрасными? Мы так не считаем, вопреки тому, что могут об этом думать историки, которые ориентируются лишь на внешнюю сторону событий. Были у этих великих предприятий средневековья, носивших одновременно политический и религиозный характер, причины более глубокие, одна из которых (единственная, которую мы бы хотели здесь отметить), — это стремление удержать в христианском мире живое сознание своего единства. Христианство, тождественное западной цивилизации, основанной, как и любая нормальная цивилизация, на истинно традиционных началах, достигло своего апогея к XIII веку; утрата этого традиционного характера с неизбежностью последовала вслед за распадом единства христианского мира. Этот разрыв, который в религиозной сфере был осуществлен Реформацией, в сфере политической был совершен с учреждением национальностей, что предшествовало разрушению феодального строя; с этой последней точки зрения, можно сказать, что первые удары по грандиозному зданию средневекового Христианства нанес Филипп Красивый, тот самый, кто отнюдь не по случайному совпадению разрушил и Орден Храма, обрушившись тем самым непосредственно на творение святого Бернарда.

⁂

Во всех своих путешествиях святой Бернард постоянно подкреплял свою проповедь многочисленными чудесными исцелениями, которые были для толпы видимыми знаками его миссии; эти деяния были освещены очевидцами, но сам он говорил о них неохотно. Быть может, эта сдержанность была продиктована его чрезвычайной скромностью; но не вызывает также никакого сомнения, что он придавал этим

чудесам лишь второстепенную важность, рассматривая их единственно как уступку, созвучную божественному милосердию к слабости веры у большинства людей, сообразно словам Христа: «блаженны те, кто поверит не увидев». Это отношение согласуется с пренебрежением, которое он обычно выказывал ко всем внешним и осязаемым средствам, таким как пышность церемоний и украшение церквей; его можно даже, пожалуй, не без основания, упрекнуть в презрении к религиозному искусству. Однако, формулирующие подобный упрек, забывают учесть одно необходимое различие, которое он сам устанавливал между архитектурой епископальной и архитектурой монастырской: только эта последняя и должна обладать строгостью, которую он восхвалял; именно монахам и тем, кто следует путём совершенствования, он запрещал «поклонение идолам», то есть внешним формам, которые он, наоборот, объявлял полезным средством воспитания для простых и несовершенных. Если он и протестовал против злоупотребления символами, лишёнными значения и не имеющими иной ценности кроме украшения, то он не мог желать, как ложно заявляли, полного изгнания символизма из архитектурного искусства, ведь он сам очень часто его использовал в своих наставлениях.

⁂

Учение святого Бернарда преимущественно мистическое; мы подразумеваем под этим, что он рассматривает все божественные вещи под углом зрения любви, что было бы ошибочно здесь интерпретировать в чисто аффективном смысле, как это делают современные психологи. Как и многих выдающихся мистиков его особенно привлекала «Песнь песней», которую он комментировал в многочисленных проповедях, формируя некую серию, продолжавшуюся практически весь его путь; и это толкование, которое оставалось всегда незавершенным, описывало все степени божественной любви вплоть до вышнего мира, в который душа устремляется в экстазе. Экстатическое состояние, как он его

понимал, и которое, несомненно, испытывал, — есть форма смерти для вещей этого мира; вместе с ощутимыми образами, исчезало и всякое физическое чувство; всё совершенно и бесплотно в самой душе как в её любви. Этот мистицизм должен был естественным образом отразиться в догматических трактатах святого Бернарда; заглавие одного из основных — «О любви к Богу» (*De diligendo Deo*), недвусмысленно показывает, какое место в нём занимает любовь; но было бы ошибочным полагать, что в этом был какой-либо ущерб истинной интеллектуальности. Если аббат Клерво сторонился словесных ухищрений школы, то по причине того, что совершенно не нуждался в тяжеловесных приемах диалектики; вместо того, чтобы находить ответ в результате многочисленных рассудочных манипуляций, он разрешал самые трудные вопросы одним ударом; то, чего философы силились достичь окольным путём и как бы на ощупь, он достигал непосредственно интеллектуальной интуицией, без которой невозможна никакая истинная метафизика, и вне которой можно овладеть лишь тенью истины.

⁂

Последней чертой, которую необходимо ещё отметить в облике святого Бернарда, является важная роль, отводимая в его жизни и трудах культу Пресвятой Девы, роль, которая дала почву пышному цветению легенд, принесших ему, возможно, наибольшую популярность. Он любил именовать Святую Деву Нашей Владычицей, и, начиная с его времени, это наименование (*Notre-Dame*) становится общеупотребительным, в значительной степени благодаря его влиянию; ведь он был, как говорили, истинным «рыцарем девы Марии» и в самом деле смотрел на неё, как на свою «даму» в рыцарском смысле этого слова. Если сблизить этот факт с ролью, которую играет любовь в его доктрине, и которую она в более или менее символических формах играет также в создании рыцарских Орденов, будет легко понять, почему мы озаботились отметить его семейное происхождение. Став монахом, он, как и весь его род, навсегда остался рыца-

рем; уже поэтому можно сказать, что он был, в какой-то мере, предназначен играть роль посредника, примирителя и арбитра между властью религиозной и властью политической (что он и делал при стольких обстоятельствах), поскольку в его личности обе эти сущности слились воедино. Монах и рыцарь, как одно целое, два этих свойства были присущи братьям «воинства Господня» из Ордена Храма; как были они присущи, прежде всего, автору их устава, великому святому, которого мы называем последним Отцом Церкви, и в котором некоторые, не без основания, хотят видеть прототип Галахада, идеального рыцаря без упрека, победоносного героя из «Поисков святого Грааля».